

А. У. Качмазова A. U. Kachmazova
Т. Ю. Тамерьян T. Y. Tameryan
Владикавказ, Россия Vladikavkaz, Russia

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ЭТНОСТЕРЕОТИПИЗАЦИИ
«СВОИХ» И «ЧУЖИХ»**

Аннотация. Описываются базовые признаки и механизмы авто- и гетеростереотипизации на материале вербальных и креолизованных текстов интернет-дискурса по моделям «свои → чужие», «чужие → свои».

Ключевые слова: этнический стереотип; автостереотип; гетеростереотип; интернет-дискурс; креолизованный текст; кударцы; кавказцы; русские американцы.

Сведения об авторе: Качмазова Алина Ушанговна, аспирант, кафедра иностранных языков для негуманитарных факультетов.

Место работы: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Контактная информация: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.
e-mail: kachmazova.alina@yandex.ru.

Сведения об авторе: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, преподаватель, кафедра иностранных языков для негуманитарных факультетов.

Место работы: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Контактная информация: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46.
e-mail: tamertu@mail.ru.

**COGNITIVE MECHANISMS
OF ETHNIC STEREOTYPING
OF "OWN PEOPLE" AND "ALIENS"**

Abstract. The article describes the basic features and mechanisms of auto- and heterostereotyping on the material of verbal and creolized texts in the Internet discourse on the models "OWN → ALIENS" and "ALIENS → OWN".

Key words: ethnic stereotype; autostereotype; heterostereotype; the Internet discourse; creolized text; the Kudars; the Caucasians; the Russian Americans.

About the author: Kachmazova Alina Ushangovna, Post-graduate Student of Department of Foreign Languages for Non-Humanitarian Faculties.

Place of employment: North Ossetian State University, named after K. L. Khetagurov.

Contact information: 362025, Vladikavkaz, V. V. Vatutina, 44-46.

About the author: Tameryan Tatiana Yulievna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Humanitarian Faculties.

Place of employment: North Ossetian State University, named after K. L. Khetagurov.

Межэтнические взаимодействия приводят в действие когнитивные механизмы идентификации и дифференциации, аппроксимации и дистанцирования, порождаемые этноцентризмом. Размышляя о его истоках, В. Н. Топоров исходит из того, что «каждый народ — осознанно, полуосознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений о себе и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры» [Топоров 1990: 5].

Этнические стереотипы, отражая такие архетипические представления, как «мы-образы» и «они-образы», являются моделями репрезентации в национальном сознании образов представителей других лингвокультурных сообществ или внутриэтнических групп в контексте канонов собственного мировоззрения: они служат ориентирами в глобальной картине мира и поставляют паттерны для коммуникативного поведения.

Этнические гетеростереотипы возникают как отголосок ключевых социополитических событий, массовых миграций, экономических кризисов и террористических актов.

Если на начальном этапе изучение этно-стереотипов закладывалось в рамках социологического подхода, то в дальнейшем многогранность стереотипа как культурного явления привлекла внимание исследователей широкой

гуманитарной сферы — этнографов, культурологов, психологов, лингвистов (У. Липпман, И. С. Кон, Г. Тажфел, Ю. Д. Апресян, Е. Бартминский, Ю. А. Сорокин, В. А. Рыжков, Ю. Е. Прохоров, В. В. Красных, Г. С. Батыгин, А. П. Чудинов и др.). Исследование феномена стереотипизации в различных направлениях привело к выделению их разновидности — авто- и гетеростереотипов.

Автостереотипы и гетеростереотипы структурируют взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания [Солдатова 1998: 70], формируя бинарные концепты «свой» — «чужой».

В статье рассматриваются аналоговые механизмы гетеро- и автостереотипизации и выявляются константы, запускающие процесс дифференциации по модели «свои→чужие» и процесс идентификации по модели «чужие→свои».

Аналізу подвергаються гетеростереотипи о кударцах, сформировавшися в североосетинском сообществе, гетеростереотипи о кавказцах, появившиися среди этнических русских в центральной России, и гетеростереотипи о «русских», сложившиися в сознании американцев; а также автостереотипи осетинского этноса, автостереотипи россиян и американцев.

Материалом исследования послужили вербальные и креолизованные тексты интернет-дискурса. В качестве последних рассматриваются такие новые субжанры ироничного регистра интернет-коммуникации, как демоти-

ваторы, эдвайсы, стрип-комиксы, структурируемые вербально-визуальным комплексом.

Осетины — ираноязычный кавказский народ, проживающий преимущественно в Северной и Южной Осетиях, говорящий на осетинском языке, который включает два диалекта — дигорский и иронский. Иронский диалект, в свою очередь, подразделяется на кударский, куртатинский, туалский и другие говоры, а дигорский — на дигорский и чиколинский говоры [Осетины <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%>].

В осетинском этническом сознании выделяются не только группы носителей диалектов — иронцы и дигорцы, но также субгруппа кударцев.

С распадом СССР наметилась миграция граждан бывшей страны преимущественно в США, которые считались землей обетованной, где переселенцы из всех уголков света имеют равные возможности добиться успеха. Диаспора «новых русских» американцев, наиболее многочисленная в США, независимо от национальной принадлежности переселенцев, считается «русской».

Одновременно устремился поток переселенцев в Россию из бывших советских республик, главным образом, по причине бедственного экономического положения в них.

Внутри РФ также активизировалась «свобода передвижения» вследствие отмены так называемой прописки, ограничивавшей возможности получения работы в другом регионе [Миграция в странах бывшего СССР <http://voprosik.net/migraciya>].

Первый отток беженцев через горные перевалы из Юго-осетинской автономной республики Грузинской ССР в Северную Осетию в XX в. произошел в 1920-х годах, затем в конце Великой Отечественной войны, и в 60-70-х годах прошлого столетия [Тамерьян 2013: 578]. Самая массовая и неконтролируемая волна миграции из внутренних районов Грузии и Южной Осетии пришлась на 90-е годы прошлого столетия. В этот же период отмечен приток кавказцев в центральную часть России и русских в США. Последняя миграция из Южной Осетии, зафиксировавшая около 30 тысяч беженцев в Северную Осетию, произошла после пятнадцатидневной войны в августе 2008 года [Тамерьян, Качмазова 2013: 184].

Столкновения мигрантов с коренными жителями, их культурой и мировосприятием стали толчком к формированию негативных гетеростереотипных представлений автохтонных жителей по отношению к мигрантам, что привело к появлению этнических ярлыков.

Этнический ярлык служит одним из средств этнического оскорбления (в Северной Осетии-Алании, Центральной России, и, в меньшей степени, в США). Являясь прямым результатом процесса этнической стереотипизации, он представляет собой умышленное

унижение чести и достоинства отдельной личности или целого этноса.

Под этническим ярлыком понимается устойчивое наименование, преимущественно негативного характера, которое дается отдельному представителю этнической группы или всей группе в целом, и отражает вымышленные или реальные свойства и качества носителя данного ярлыка [Горшунова 2007: 156].

Отношение коренных жителей к новому статусу всех вышеперечисленных категорий переселенцев (*кударцы, кавказцы, русские американцы*) описывается клишированными выражениями: «*понаехавшие*» *кударцы/кавказцы/русские*; «*Почему эти кударцы/кавказцы/русские такие наглые?*» Любопытно, что предикативно функционировавшая лексема «*понаехали*» субстантивировалась в собирательном значении «*понаехало*», выделяя приезжих уже упомянутых групп.

В североосетинской ментальности номинации кударцев-мигрантов — *кударцы, беженцы, вынужденные переселенцы, южанцы, выходцы из РЮО, братья, гости* — в зависимости от контекста высказывания приобретают разнонаправленную аксиологию [Тамерьян, Качмазова 2013: 183-185].

Нейтральная коннотация характеризует тональность следующих высказываний: *Ликбез мне проводила девочка беженка из Грузии; Т. Мамсуров хочет, чтобы в республике (РСО-А) учились выходцы из Южной Осетии.*

Другой фрагмент содержит негативно маркированную оценку: *Где кударцы (южанцы) там криминал, коррупция, беспредел.*

Поддержка осетинской субгруппы кударцев присутствует и в нижеприводимой цитате: *У нас на нашей улице жили кударцы, соседи были прекрасные, ничем никто не отличался.*

Номинация *братья* также акцентируется амбивалентно: *Большинство моих друзей — кударцы, так что мы все братья; События современной истории у "коренных" осетин любви к "братьям по крови" не добавили.*

Нейтральная номинация *гости* контекстуально порождает негативную импликацию, расшифровываемую, как: «*пожили и хватит, уезжайте домой*», что маркирует кударцев из Южной Осетии, как «чужих»: *Отсутствие элементарного воспитания у гостей с юга; На севере им дали понять, что они «ГОСТИ».*

Ярлык *гамсики* появились на основе прецедентного имени — фамилии грузинского президента З. Гамсахурдия, политическая деятельность которого стала причиной вынужденного переселения осетин из Грузии: *В Северной Осетии не кричат теперь «ух, эти южанцы, кударцы, беженцы, гамсики» и т. д.?*

Пейоративы *недоосетины, огузиненные осетины, нерастаможенный* («недавно приехавший из РЮО/Грузии») и *растаможенный*

(родившийся на территории Северной Осетии) передают коннотацию пренебрежительного отношения: *В сёлах жили **огрузиненные осетины**. Кровь осетинская, но говорили на грузинском — "огрузиненные". Кударцы реально другие (что-то типа недогрузины, **недоосетины**) очень беспредельные/дикие в сравнении с северными осетинами.*

*Южанцев у нас делят на местных — **растаможенных** и беженцев. **Растаможенные** — это местные южанцы (**кударцы**). Только если кударцы **нерастаможенные** <...>.*

В основе номинаций *растаможенный* и *нерастаможенный* лежит метафора границы, разделяющей осетинский этнос на республики и государства.

События последних десятилетий после распада СССР — война в Чеченской республике, взрыв терроризма на Северном Кавказе и в России, породил образ *кавказца*, территориально и национально не дифференцированный, но вместе с тем негативно маркированный как источник зла, опасности и терроризма. СМИ способствовали укоренению данного гетеростереотипа, скрывающегося за канцеляризмом «*лицо кавказской национальности*»: так закладывалось отчуждение и, соответственно, в сознании россиян фиксировалось представление о «чужаках» и «инородних» [Лицо кавказской национальности Cyclowiki.org/wiki/].

Кавказцы получили следующие этнические ярлыки: *лицо кавказской национальности, южанцы, чурки, хачи/хачик, черные, волосатые, обезьяны, черномазые, нехристь, казбек, мамед*, среди которых только номинация *южанцы* выдержана в нейтрально — разговорном регистре [Грищенко 2007: 42-50].

Этнический ярлык *лицо кавказской национальности*, впервые появившееся в милицеских протоколах для описания подозреваемых, отличных от лиц славянской внешности, зафиксировал негативный стереотип, отражающий представления о кавказцах и закавказцах как этнически недифференцированном враждебном пласте населения [Лицо кавказской национальности Cyclowiki.org/wiki/].

В статье «Кто на рынке хозяин» «*лицами кавказской национальности*» названы <...> «южане»; Продавец «*кавказской национальности*» расплывается в широкой улыбке.

Антропологические этнонимы отражают этнокультурные стереотипы на основе наиболее распространенного личного имени в уменьшительно-ласкательной форме. Так, оскорбительное прозвище *хач, хачи, хачик* (от армянского имени *Хачатур*) первоначально применялось только по отношению к мигрантам-армянам, проживающим в центральной России, а затем получило более широкое хождение в общем значении *кавказец* [Хачик/СловоНово. <http://www.slovonovo.ru/term/%>].

Рассматриваемый ниже эдвайс пародирует не только темный цвет волос и ненормативное поведение *хача* — *кавказца*, но выделяет еще один «опознавательный» признак этой «общности» — *красные мокасины*. (Рис. 1)

Этноним *казбек* также мотивирован частотным на Северном Кавказе личным именем *Казбек* и используется расширительно.

Ярлык *мамед/мамбет* маркирует выходца с Кавказа или Средней Азии по религиозному признаку. Такое употребление актуализируют мигрантов-мужчин, исповедующих ислам.

Дерогативно маркированные номинации в собирательном значении — *волосатые черные, черномазые, обезьяны* — мотивированы антропологическими признаками (цвет глаз, волос, кожи, растительный покров). Зооморфный ярлык *обезьяна*, мотивированный признаком «густой растительный покров», несет уничижительную коннотацию.

В приводимом ниже эдвайсе (Рис. 2) ярлык *черный* обыгрывается пародийно, трансформируя прецедентное высказывание из песни группы «Отпетые мошенники» (конец 90-х гг.) «*девушки бывают разные — черные, белые, красные*» в отношении кавказцев на «*кавказцы бывают разные — черные, черные, черные*».

Однако, если девушки бывают разные, то кавказцы, независимо от их этнической принадлежности, только черные. Визуальный компонент эдвайса, представленный мемкартинкой, — фотографией одного из уголков галактики, темного, далекого и непостижимого, символизирует пропасть, которая отделяет кавказцев и русских.

Дерогативно маркированное прозвище *чурка/чурбан*, от *чурка* — «перен. недалекий, глуповатый, необразованный человек» (пренебрежительная номинация), первоначально относилось только к жителю или уроженцу Средней Азии, а затем разошлось и в значении «*лицо кавказской национальности*»: *Кругом чужие: «лицо кавказской национальности», «чурка», и т. д.*

Сравнительный анализ высказываний Интернет-коммуникации подтверждает наличие этностереотипов, сложившихся по общей мо-

дели: <...> замените слово «осетин» на «россиянин», вместо «кударец» пиши «кавказец» и Жирику (Жириновскому) можно отпирать.

В следующем примере визуальная часть эдвайса (Рис.3) представлена кадром из американского фильма «Мстители», на котором запечатлен актер Роберт Дауни-младший в состоянии раздражения и утомления. Вербальный компонент сопровождается такой текстовой частью «Мое лицо, когда чурка говорит, что он не хач», которая, нивелируя этническое различие кавказских и среднеазиатских этносов, от лица русских настаивает на том, что они не чурки и не хачи.

Прозвище «нехристь» актуализирует принадлежность мигрантов к религии ислама, а ярлыком «нерусь» именуются все кавказские и среднеазиатские народы.

Несмотря на то, что по отношению к русским в США как к культурной прослойке пейоративные номинации малоупотребительны, а личные имена Петр (Pyotr или Peter), Иван (Ivan), Николай (Nikolay), Андрей (Andrey) стали нарицательными прозвищами для обозначения русских или других русскоязычных этногрупп, американский кинематограф активно эксплуатирует образ Ивана как символ зла, опасности и непредсказуемости: *Because you realized that everyone feared Russia, or Ivan, as some scary man who could kill you in mere mille seconds if you do so much as talk to him.*

А лексема *русский/русские* (Rusky/Russkie) в лексиконе американцев также стала обозначением не только этнических русских, но «того, кто груб и неотесан». Так в американской ментальности отражен оппозитивный образ русского мафиози и бандита, с одной стороны, и русского интеллигента, с другой [Журтова 2013: 12-17].

Сталкиваясь с другой картиной мира, с другими морально-этическими ценностными ориентирами определенного социума, стереотипы восприятия чужого мобилизуют общественное мнение своей страны, формируя негативный имидж другой нации, что неизбежно обедняет и сужает сферу интересов адресата и эффективность культурного диалога [Чудинов 2009: 43].

Причинами «невписывания» в иную социокультурную среду и, как следствие, отторжения становятся проявления темперамента мигрантов как этнопсихологической особенности их личности, не совпадающие с эмоциональными реакциями коренных жителей. Следующий

фрагмент описывает кударцев: *Кударцы более жесткие люди и безбашенные; Кударцы — общность дикая, грубая.*

Сравнительные характеристики темперамента кавказцев и русских позиционированы в следующем фрагменте, где отличия градуируются при помощи аналитического компонента более — сравнительной степени прилагательных: *Отрицать то, что жители Кавказа более эмоциональные и «горячие» не буду; Русские считают кавказцев горячими, буйными, brutальными.*

Описание темперамента русских в сознании американцев сводится к следующему: *Русские — это эмоциональные, несдержанные люди; Русские иммигранты — очень шумный и непредсказуемый народ.*

Поведение мигрантов, не соответствующее принятым нормам, ложится в основу формирования негативного гетеростереотипа. Северные осетины, стереотипизируя образ кударцев-мигрантов, характеризуют их коммуникативное поведение как нарушение традиций: *Все себя ведут очень воспитанно и спокойно (северные осетины), но только не кударцы!!!! Это просто кошмар бывает, как они по-хамски разговаривают; <...> обнаглевшие южане грубили, хамили продавцу.*

Аналогичные гетеростереотипы отражены и в сознании русских по отношению к кавказцам: *Кавказцы, которые покидают свою республику/страну, тут же напроочь забывают о культуре поведения; Кавказцы шумят, громко разговаривают; Начинают по-хамски себя вести.*

В визуальной части следующего демотиватора надпись «Во дворе злая собака» трансформирована в пародийную фразу «Во дворе дикий кавказец», которая сопровождается появлением в вербальной части демотиватора: «в каждом дворе Москвы». Данный Интернет-мем передает страх москвичей за свою жизнь, уничтожая «кавказцев», которые, по их мнению, непредсказуемы и необузданны (Рис. 4).

Американские русские в представлениях американцев отличаются таким же агрессивным стилем коммуникативного поведения, что кударцы и кавказцы: *Русские очень любят подраться и побуянить; От них (русских) не дождешься извинений.*

Незнание или недостаточное владение языками, которые являются основным средст-

вом общения на территории нового места жительства мигрантов, аппроксимируют их от автохтонных жителей.

«Кударцы», приехавшие из Южной Осетии и Закавказья, в силу территориальной и культурно-исторической специфики их проживания пользовались кударским говором иронского диалекта, который испытывает значительное влияние соседствующей Грузии. Выход из СССР Грузинской республики, в которую Южная Осетия входила в качестве автономии, автоматически повлек за собой некоторое ослабление значимости русского языка в конце XX века [Тамерьян 2014: 278]: *Эти люди плохо говорили по-русски, а по-осетински говорили вперемешку с грузинским языком.*

По той же причине, что и югоосетинские кударцы, вследствие социо-политических и государственных преобразований оказавшиеся в чужом государстве, закавказские и среднеазиатские республики после распада СССР перешли на национальные языки общения во всех государственных и образовательных сферах, хотя в ряде республик русский язык приобрел статус второго государственного языка. Республики Северного Кавказа наряду с общегосударственным русским языком, сохраняют и поддерживают родной язык, являющийся главным элементом этнической целостности.

Все вышеперечисленные условия привели к укоренению когнитивного признака «плохого владения русским языком» в качестве фактора отторжения: *Кавказцы плохо знают русский язык.*

В визуальной части представленного эдвайса изображено лицо скорее азиата, чем кавказца, поскольку в стереотипных представлениях русских все «чужие», «инородцы» на одно лицо. В графической части маркировано слово *РАСИЯ* как символ смещения алфавитов и слабого владения русским языком. Довольное, улыбающееся лицо не то кавказца, не то азиата на переднем плане как бы подтверждает, что *РАСИЯ* для кавказцев; они чувствуют себя здесь как дома, а не в гостях (Рис. 5).

Поскольку русская диаспора самая большая в США, и часть переселенцев живет довольно обособленно, имея свои школы, магазины, рестораны, театры и пр., с одной стороны, нежелание русских адаптироваться и интегрироваться с другой, — иные просодические характеристики речи вызывают раздражение у коренных американцев: *Русские могут жить по 20 лет в Америке и не говорить по-*

английски. Они (русские) говорят быстрее и громче.

Финансовое положение и социальный статус кударцев оценивается северными осетинами амбивалентно — в их представлении они или очень бедные, или очень богатые: *Эти кударцы состоятельные люди, которые предпринимчивы; Кударцы не имеют ни гроша.*

В отношении кавказцев этот признак также несет бинарные смыслы: это либо обеспеченные люди, которые перебрались из национальных республик в центральную Россию, либо мигранты, ищущие возможности заработать: *Кавказцы всегда одеваются роскошно, да откуда такие деньги у вчера приехавших?; Приезжают и покупают тут квартиры, машины; У нас около метро собираются постоянно кавказцы <...>. Работа у них разъездная — маршрутчики, таксисты. Причем, самоутверждаются, в основном, маршрутчики кавказцы.*

Финансовое положение американских русских в американском обществе также трактуется неоднозначно: *Их влияние разрастается с каждым днем; Большинство из них очень богатые люди, занимающие престижные должности в крупных компаниях; Вы что, все на пособия сидите?*

Амбивалентная оценочность также лежит и в основе гетеростереотипизации **рода деятельности** мигрантов.

Занятия кударцев вызывают как положительную, так и отрицательную коннотацию. Положительно оценивается их готовность работать: *Они хотят и умеют зарабатывать; Кударцы берутся за любую работу.*

В следующем примере используется зооморфная метафора «лошадь» как символ упорного труда: *Кударцы вкалывать умеют, как лошади.*

Неодобрительно оценивается статус их рода деятельности: *Кударцы захватили все рынки <...>; Мелкую розничную торговлю в РСО-А в основном контролируют кударцы. Также, серьезную часть водочного бизнеса.*

Социальное положение кавказцев стереотипизируется амбивалентно: *Они (кавказцы) молодцы, пытаются обеспечить своих детей и близких тем, что зарабатывают хоть какие-то деньги, вдали от своей родины; Но сами (москвичи) не торопятся идти в дворники, стоит ли удивляться, что кавказцы приехали и остались?*

Вместе с тем кавказцы приобрели в России высокий социальный статус: *Куда ни глянь, в каждой администрации России работают они; Шоу-бизнес захватили кавказцы.*

Русские в США представлены в высокостатусной финансовой сфере, сфере высоких технологий, в среднестатусных областях науки, образования и в низкостатусной сфере обслуживания: *Where the Russians live with their billions in New York City; Русские преподаватели университетов остаются бедными,*

так как не заинтересованы в карьерном росте; Америка отмечает **вклад американских русских** в техническое первенство страны; Работают обычно **нянечками**.

Архетипические представления о «чужих» продолжают существовать в виде деактуализированных, полуфольклорных образов, зафиксированных в этническом сознании.

Полуфольклорные гетеростереотипы северных осетин о кударцах сводятся к представлениям о том, что кударцы — нецивилизованная, невоспитанная «толпа», приросшая к грузинской культуре:

Напоминают, что вроде как только что спустились с гор; Непременно лужагут семечки; Вечно эти кударцы в спортивныхках; У них (кударцев) до сих пор в моде шерстяные носки; Говорят с грузинским акцентом.

Полуфольклорные, исторические деактуализированные представления о кавказских народах, опирающиеся на этнические традиции и обычаи, завязаны на образе мужчины-горца, чьим постоянным атрибутом является холодное оружие — кинжал, сабля или пистолет: *Они до сих пор в папах и бурках с кинжалами в зубах ходят; Там воруют невест; <...> в России считают, что у народов Кавказа всегда воруют невесту.*

Пропагандистское отношение России как к врагу и сопернику со стороны США существовало еще длительное время после падения коммунистического режима и «поднятия» железного занавеса, и реактуализировалось в связи с последними событиями в мире.

Стереотипный набор полуфольклорных архаических представлений о русских сводится к образу «дикой», нецивилизованной страны, где по улицам ходят медведи, а мужики в шапках-ушанках со звездой, атрибутом коммунистического строя, пьют водку и играют на балалайке за компанию с медведем. На этом строится большинство анекдотов о России. Приводимый стрип-комикс наглядно представляет полуфольклорные стереотипы о русских (Рис. 6).

Процесс стереотипизации опыта лежит в основе действия механизма традиции, выполняющего интегрирующие и стабилизирующие функции в системе культуры [Байбурин 1993: 5].

Позитивные стереотипы формируются не только под влиянием политических решений и

этнических контактов, но зарождаются внутри этноса, как отклик на гетеростереотип отчуждения.

Так, помимо негативных представлений северные осетины сформировали и положительный образ кударца, породивший положительно-эмоциональное отношение, признание успехов. *Кударцы-спортсмены*, проживая на территории Северной Осетии, участвуют во всех российских и международных спортивных соревнованиях и занимают лидирующие места, тем самым прославляя как Северную Осетию, так и Россию: *Многие, кто не любят «осетин с Юга» гордятся их спортсменами; Алан Дзагоев — автор первого гола сборной России на Евро-2012!*

Другой положительный аспект образа кударца ретроспективно отсылает к исторической роли бесстрашного кударца, нашедшей продолжение в этническом характере: *Кударцы были воинами осетин; Кударцы — воины и грубоваты, но преданные друзья; Кударцы — воины. Ни один человек на Кавказе в здравом уме не будет задирать кударца.*

Российская история неоднократно способствовала смене аксиологических полюсов содержания стереотипа «горец/кавказец». Активное сопротивление горцев во время Кавказской войны породило и закрепило негативное отношение к ним, которое неоднократно полностью нейтрализовывалось и трансформировалось в положительные образы, разрушающие сепаратистское ядро стереотипа, когда «чужие» становятся «своими» гражданами СССР и РФ.

Идеологические установки советского времени сформировали другие стереотипные образы кавказцев, когда мужчины были эталоном смелости, щедрости и галантности; а женщины представлялись красавицами, скромницами, мудрыми и терпеливыми женами: *Положительный стереотип о кавказцах гласит, что они храбрые, решительные, мужественные, держатся корней, уважают семейные ценности, не страдают алкоголизмом, а если уж пьют, то хорошее вино для веселья, умеют проводить интересные застолья, умеют красиво ухаживать за женщиной; Кавказские девушки с хорошим воспитанием, честные и верные; О красоте кавказских девушек уже было сказано немало; Девушки с Кавказа в большинстве своем хорошие жены и матери; На Кавказе много великих сердец женщин, готовых на самоотвержение.*

Выдающиеся военачальники, общественные деятели, спортсмены из кавказских республик активизируют в структуре гетеростереотипов исторический слой, путем апелляции к значительным персонажам современности и их достижениям. Так, кавказцы ассоциируются с силой и храбростью, выносливостью, спортивными достижениями, одаренностью в военном деле и творчестве. Поддерживается позитив-

ный аспект стереотипа такими личностями, как: Валерий Гергиев (Северная Осетия), Расул Гамзатов (Дагестан), Ахмат Кадыров (Чечня), Валерий Меладзе (Грузия), Дима Билан (Кабардино-Балкария).

В визуальной части приводимого стрип-комикса представлена галерея фотографий В. Жириновского, излюбленного политического персонажа, пытающегося поставить точку в развязывании в интернет-сетях темы «плохих кавказцев». Вкрапления в текст вербальной части армянского слова в русской графике (*ара* «брат») в надписи — «АРА, может, хватит?» сопровождается кадром, на котором В. Жириновский хватается за голову от антикавказских настроений. Данный мем в шуточной форме доносит сообщение о том, что русские понимают, что пора разрушать бессмысленную неприязнь к кавказцам (Рис. 7)

Значимыми составляющими образа России для американцев являются события недавнего прошлого до и после распада СССР. Положительные ассоциации в американской ментальности связаны с российскими деятелями науки и культуры, политическими лидерами, выдающимися спортсменами, красотой русских женщин: *Русская культура ассоциируется у меня с Пушкиным, с вашим сегодняшним президентом Путиным; Русские очень любят фигурное катание и лыжи; Русские женщины очень красивы, женственны и сексуальны; Они (русские девушки) верные, и потому привлекательны в качестве жены.*

Противоположный механизм направляет вектор стереотипизации изнутри, формируя этнический автостереотип, в соответствии с которым этнические группы и субгруппы иронцев, дигорцев и кударцев концептуализируются как единый этнос по схеме «чужие→свои»: *Кударцы — это же осетины, говорящие просто на кударском наречии! Мы — единый народ!; Ведь по сути мы все осетины!; ЮО (Южная Осетия) и РСО (Республика Северная Осетия) — части единого целого; Осетин-*

ский народ — один, история — одна, культура — одна, язык — один и судьба одна; (Рис. 8) **Прекращайте делить осетин на иронцев, дигорцев, кударцев. Ирæттæ, в единстве наша сила! Ирæттæ размæ! Последний отрывок, акцентируя общность языка и культуры — высказывание на русском с осетинскими вкраплениями *ирæттæ; ирæттæ размæ*, обозначая название осетинского этноса *ирæттæ* (русс. *осетины*) на родном языке, призывает к объединению и развитию, движению вперед — *размæ* (русс. *вперед*, т. е. *объединяйтесь*).**

Концептуализация русскими представителей кавказских народов как равноправных граждан России также превращает гетеростереотип в позитивный автостереотип: *Нам делить действительно нечего, у нас, как у единого российского народа есть общие проблемы, общие беды; Нам бы объединиться и сплотиться против тех, кто нас пытается посорить; Нам вместе нужно затыкать тех, кто хочет отделить Кавказ от России. В единстве наша сила!; Очень важно понять, что мы все действительно едины; У нас всех получится жить вместе в одной стране, если мы будем искать вдруг в друге хорошее и учиться друг у друга.* Последнее высказывание подтверждает, что нет плохих народов.

Что касается признания единства коренных американцев в отношении к русским американцам, гетеростереотип о них переходит в положительный автостереотип американской культуры, которая способна «создавать единство в многообразии», приводится метафорическое сравнение Америки с плавильным котлом «*melting pot*» как символом смешения, объединения и единства американского народа: *The country is home to people of different national origins. As a result, Americans do not equate their nationality with ethnicity, but with citizenship; Many of these immigrants have slowly assimilated into the American "melting pot". The Russians are a positive valuable to the United States.* В последнем фрагменте содержится положительная оценка русских «*positive valuable*» для США.

Таким образом, в результате проведенного анализа мы можем резюмировать, что на материале отражения в стереотипах осетинской, кавказской культур и русской культуры в Америке были выявлены универсальные механизмы гетеро- и автостереотипизации по моделям «свои-чужие» и «чужие-свои».

Процесс присваивания этнических ярлыков сопровождается начальным этапом гетеростереотипизации, сопровождающийся мощным импульсом отчуждения посредством негативной оценки других на основе таких когнитивных признаков, как: *антропологические особенности, религиозная принадлежность, территориальная принадлежность, культурные осо-*

бенности, интеллектуальные способности, социально-политический статус.

В результате метафорической номинации как универсального способа когнитивного моделирования, обладающего этнокультурной маркированностью, возникли прозвища *обезьяны* (зооморфная метафора), *чурки* (метафора неживой природы), номинация *братья* (метафора родства), *гость* (метафора межличностных отношений). Этнические номинации сложились на основе личных имен для дифференциации этнической группы (*хачи, Ivan*) или конфессиональной принадлежности (*казбек, мамбет*). Лексемы с нейтральной семантикой приобрели пейоративную коннотацию (*кударец, кавказец, russskiy*).

Все рассмотренные этнические номинации-ярлыки маскулинно маркированы или функционируют в собирательном значении. Этнических пейоративов с фемининной семантикой не зафиксировано.

Этнические гетеростереотипы, зарождающиеся на базе ядерных дифференцирующих признаков, отчуждающих этносы, обрастают наслоениями, несущими амбивалентную аксиологию. Когнитивный домен этнического гетеростереотипа структурируется несколькими дифференциальными признаками.

Автостереотип формируется на базе консолидирующих идей на основе одного объединяющего признака — этнической или государственной общности по модели: «*мы — осетины/россияне/американцы*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. — 225 с.
2. Горшунова Е. Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в американской лингвокультуре: диссертация ... кандидата филологических наук: — Бирск, 2009. — 207 с.
3. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофоллизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПУ) / Гл. ред. Н. А. Николина — М. — Ярославль: Ремдер, 2007. — С. 40-52.
4. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. — М.: Юнити-Дана, 2006. — 352 с.
5. Журтова А. З. Этнические гетеростереотипы в американской языковой картине мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Нальчик, 2013. — 23 с.
6. Платонов Ю. П. Психология национального характера. — М.: Академия, 2007. — 240 с.
7. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.

8. Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // *Познание и общение* — М., 1988. — С. 111-114.

9. Тамерьян Т. Ю. Концепт-стереотип кударец в североосетинской языковой картине мира. Когнитивные исследования языка. 2014 год. — №17 — С. 277-281.

10. Тамерьян Т. Ю. Стереотипный компонент в структуре этнокультурного типажа (на материале осетинской лингвокультуры). / *Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В. И. Карасика*: отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. — Киев: Изд. Д. Бураго, 2013. — (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»). Вып. 2). С. 575-580.

11. Тамерьян Т. Ю., Качмазова А. У. Понятийные признаки лингвокультурного типажа КУДАРЕЦ в североосетинской лингвокультуре // *Фольклористика, лингвокультурология, этнолингвистика. Вестник ПГЛУ* №4, 2013. — С. 182-186.

12. Топоров В. Н. Метафора зеркала при исследовании межязыковых и этнокультурных контактов / В. Н. Топоров // *Славяноведение*. — 1997. — №1. — С. 5.

13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие — М.: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.

14. Cohen R. Ethnicity: Problem and Focus in Anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1978. № 7. P. 379-403

15. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt Brace, 1946 (1922). 201 p.

16. <http://russian-bazaar.com/ru/content/8618.htm?numpage=2>

17. Cyclowiki.org/wiki/Лицо_кавказской_национальности.

18. URL: <http://region15.ru/articles/2620/>.

19. <http://www.slovonovo.ru/term/>

20. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%>

21. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/prokudarcev-ironcev-i-digorcev/>

22. <http://rukavkaz.ru/articles/comments/456/?Page=10#comments>

23. <http://voprosik.net/migraciya-v-stranax-byvshego-sssr>

24. <http://www.saabclub.su/forum/index.php?threads/aziaty-i-kavkazcy.21035/>

25. <http://tanci-kavkaza.ru/naglye-kavkazcy/>

26. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/10/01/dva-krasavchega/>

27. <http://region15.ru/blogs/sageeva/2011/02/15/prokudarcev-ironcev-i-digorcev/>

28. <http://cache2.allpostersimages.com/p/LRG/272772/UOKTD00Z/posters>

29. www.goehner.com/russinfo.htm

30. <http://rt.com/community/forums/prime-rime-russia/what-stereotype-about-russia-do-you-now-consider-the-most-bizarre>.

31. http://www.americansworld.org/digest/regional_issue_s/russia/russial.cfm.

32. http://www2.needham.k12.ma.us/nhs/cur/kane98/kane_p3_immig/Russia/russia.html Russian Immigration

33. http://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2450&context=utk_chanhonoproj

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.